

NINA CINGEROVÁ
IRINA DULEBOVÁ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ
КЛЮЧЕВЫХ ИМЕН И ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СЛОВАКИИ
(ДО И ПОСЛЕ 1989 ГОДА)

Февральский переворот 1948 года, в результате которого в бывшей Чехословакии был установлен коммунистический режим, равно как и Бар-

---

Doc. Mgr. NINA CINGEROVÁ, PhD – Университет Коменского в Братиславе, Факультет искусств, Кафедра российских и восточноевропейских исследований; адрес для переписки: Gondova 2. 811 02 Bratislava 1, Словакия; e-mail: nina.cingerova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1271-4687>.

Doc. Mgr. NINA CINGEROVÁ, PhD – Comenius University Bratislava, Faculty of Arts, Department of Russian and East European Studies; correspondence address: Gondova 2. 811 02 Bratislava 1, Slovakia; e-mail: nina.cingerova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1271-4687>.

Doc. Mgr. NINA CINGEROVÁ, PhD – Uniwersytet Komeńskiego w Bratisławie, Wydział Artystyczny, Katedra Studiów Rosyjskich i Wschodnioeuropejskich; adres do korespondencji: Gondova 2. 811 02 Bratislava 1, Słowacja; e-mail: nina.cingerova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1271-4687>.

Doc. Mgr. IRINA DULEBOVÁ, PhD – Университет Коменского в Братиславе, Факультет искусств, Кафедра российских и восточноевропейских исследований; адрес для переписки: Gondova 2. 811 02 Bratislava 1, Словакия; e-mail: irina.dulebova@uniba.sk; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8916-1617>.

Doc. Mgr. IRINA DULEBOVÁ, PhD – Comenius University Bratislava, Faculty of Arts, Department of Russian and East European Studies; correspondence address: Gondova 2. 811 02 Bratislava 1, Slovakia; e-mail: irina.dulebova@uniba.sk; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8916-1617>.

Doc. Mgr. IRINA DULEBOVÁ, PhD – Uniwersytet Komeńskiego w Bratisławie, Wydział Artystyczny, Katedra Studiów Rosyjskich i Wschodnioeuropejskich; adres do korespondencji: Gondova 2. 811 02 Bratislava 1, Slovakia; e-mail: irina.dulebova@uniba.sk; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8916-1617>.

хатная революция 1989 года, ознаменовавшая его устранение, представляли собой не только изменения политических, экономических и общественных условий, но и своего рода «взрывы», динамизирующие временно зафиксированные идентичности знаков. В теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф подобного рода события определяются как процессы дислокации (Laclau 70-73). Их функция двоякая – с одной стороны, они разрушают структуры дискурса – целостности, появившейся в результате артикуляций (Laclau & Mouffe 105), а с другой стороны, они открывают возможности для (ре)артикуляций и перестройки отношений, установленных дискурсом, и, таким образом, они не в последнюю очередь обращают внимание на историчность бытия объектов (Laclau 39-40). Это относится и к трактовке ключевых имен русской классической литературы – знаков русской культуры, представляющих, или, точнее, «замещающих» ее в словацком образовательной дискурсе. Именно данные знаки и являлись предметом нашего исследования.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Образовательный дискурс, выступающий объектом нашего исследования, мы анализировали на материале учебных пособий для средних школ, изданных до и после 1989 года. Образовательный дискурс мы определяем как языковую деятельность (устную и письменную речь, визуальную коммуникацию), имеющую место в определенной социальной ситуации, области общественной жизни, (ср. Fairclough 3), в данном случае – в образовании. Рассуждая об областях общественной жизни, в которых имеет место языковая деятельность, дискурс-аналитики Р. Водак и М. Рейсигл используют также термин немецкого политического лингвиста Х. Гирнта «поле деятельности» и подчеркивают, что разные «поля деятельности» определяются различными функциями дискурсивных практик (Reisigl & Wodak, „The Discourse” 90). В случае образовательного дискурса в качестве главной функции можно выделить передачу знаний с использованием всех видов знаков (см. Manoliu 222).

Мы сосредоточились на текстах, являющихся, с хронологической точки зрения, манифестациями поздних стадий развития интерпретации данных знаков и фиксируем их незадолго до процесса их динамизации. По отношению к периоду до 1989 года – это фрагменты дискурса (термин ср. Jäger & Jäger 27), относящиеся к восьмидесятым годам, и, по отношению к периоду после 1989 – это фрагменты, ставшие частью образовательного дискурса в

двухтысячных годах. Здесь нужно оговориться, что мы, в связи с войной, которую Россия развязала в Украине, предполагаем динамизацию трактовки знаков, *pars pro toto*, «замещающих» в словацком образовательном дискурсе Россию в целом, и русскую культуру в частности. Данное предположение соотносится с положениями теории Эрнесто Лакло, в частности с постулируемым им механизмом дислокации дискурсов в ходе общественных потрясений, которая влечет за собой «перемещения», трансформации идентичностей знаков (ср. Ćelik 193-205).

Проблематика восприятия русской литературы в Словакии разработана прежде всего в трудах словацких русистов-литературоведов, русистов-переводоведов (коллективные монографии *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836-1996*, *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015*) и русистов-лингвокультурологов. В особенности нужно упомянуть научные работы М. Кусой (напр. «Preklad v geopolitických súvislostiach», «Slovenské preklady ruskej literatúry posledných rokov» и др.), М. Лизоня («Современная русская литература в переводах на словацкий язык: факты отбора текстов», *Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu* и др.), А. Загорака (*Intercultural Aspect in Translation and Reception of Precedent Phenomena*) и одного из самых видных словацких лингвокультурологов – Й. Сипко (*Прецедентные имена в позиции оценочных средств* и др.). Они, однако, уделяют свое внимание вопросам литературной рецепции, диалогу культур, семантике знаковых литературных персонажей и преподавания русского языка и русской культуры в Словакии (Gallo; Grominová & Medukha 2022) Проблематика трансформаций восприятия ключевых имен и произведений русской классической литературы в образовательном дискурсе пока не изучена, в связи с чем можно с уверенностью говорить о новизне предлагаемого исследования. В результате изученного нами русскоязычного теоретического материала можно также констатировать, что российские исследователи сосредоточены преимущественно на проблематике трансформации восприятия в XXI веке т. н. русского классического литературного канона в России, но не за ее пределами.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую основу исследования составили труды представителей Эссекской школы дискурса – Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, рассматри-

вающих дискурс как структурированную целостность, появившуюся в результате артикуляций – (вербальных и невербальных) практик, устанавливающих отношения между элементами таким образом, что их идентичность претерпевает изменения (Laclau & Mouffe 105). Прежде всего мы опираемся на их понятие узловой точки (*nodal point*), представляющей привилегированное означающее, своего рода центр дискурса, которое в состоянии «привязывать» другие знаки и определять их идентичность (Laclau & Mouffe 112). Как раз данное означающее является своего рода гарантией стабилизации дискурса, или, точнее, идентичностей знаков, которые он устанавливает, потому что, по Лакло и Муфф, каждое структурирование является временным. В отличие от сосюрловских представлений о знаковых системах, которые бесспорно являются важным источником их размышлений, семиотическое «поле», на котором сосредоточено их внимание, находится в процессе постоянного становления, движения, подвергается изменениям. Установленное структурирование всегда может, в результате разных общественных сотрясений, кризисов, скандалов, дестабилизирующих дискурс, так называемых дислокационных процессов, распасться (ср. Čelik 193-205) на отдельные мифы отдельных социальных групп (Laclau 61).

Приступая к анализу, мы поставили перед собой следующие задачи: а) фиксирование привязки определенного означающего, в нашем случае писателя, к определенной узловой точке; б) выявление речевых, или же шире – дискурсивных стратегий, т. е. речевых действий, направленных на достижение коммуникативных (Isser 54), а также и социальных, политических и психологических целей (Reisigl & Wodak, „The Discourse” 94); в) фиксирование трансформации интерпретаций.

3. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА: ПЕРИОД ДО 1989 Г.

Руководящая роль во всех областях социалистического общества и государства принадлежала согласно 4-й статье Конституции ЧССР (*Zákon 100/1960 Zb.*) коммунистической партии, а согласно 16-й статье Конституции вся культурная политика в ЧССР, развитие образования, воспитательная деятельность и обучение должно было осуществляться «в духе научного мировоззрения, марксизма-ленинизма, и в тесной связи с жизнью и трудом народных масс»¹ (*Ibid.*). Еще до закрепления этого положения в кон-

---

¹ Здесь и далее перевод на русский язык авторов статьи.

ституции, в постановлении Президиума Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии *Об учебниках для народных и средних школ* («Usnesenie predsedníctva Ústredného výboru Komunistickej strany Československa o učebniciach pre národné a stredné školy») определялось, что школа должна воспитывать «поколение социалистическое, поколение новых общественных отношений, поколение новой культуры, новой морали», «молодежь, верную идеям Ленина и Сталина» (Ibid.). Особое внимание в постановлении уделялось и отдельным учебным предметам, в том числе и урокам литературы – прежде всего в старших классах молодежь должна была ознакомиться с «самыми известными произведениями прогрессивных авторов других стран, прежде всего со знаменитыми произведениями авторов советских» (Ibid.). Данным постановлениям вторили и словацкие литературоведы, задающие общую тональность социалистической «литературной общности, объясняющейся сходством исторических обстоятельств, экономической и общественно-политической основы» (Barkovskaya & Grominová 201). Что это значило с точки зрения организации культурных знаков, коими являются и всегда открытые для интерпретации писатели? В рамках образовательного дискурса они должны были «привязываться» к полю коммунизма и их значение, таким образом, определялось узловыми точками данного идеологического поля (ср. Zhizhek 92-94). Как это происходило, рассмотрим на примерах интерпретации А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя², Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова.

3.1 А. С. ПУШКИН КАК ЖЕРТВА ЦАРИЗМА И ПЕТЕРБУРГСКОГО ВЫСШЕГО СВЕТА

Обсуждая жизнь А. С. Пушкина, в учебниках подчеркивается, что «в лицее он постиг идеи **Великой французской революции** и позже сблизился с **декабристами**» (Fischer et al. 64), «постоянно находился в **конфронтации с петербургским высшим светом и правительственными кругами** – и был ими **спровоцирован** к дуэли с французским авантюристом Дантесом» (Ibid.). Классическое пособие по литературе – Литературный справочник (Minár et al.) и учебник для средних школ (Doboš et al.) уже напрямую связывают творчество А. С. Пушкина с общественным строем утверждая, что он «сочинял свои произведения **в атмосфере царского гнета**, и поэтому они носят характер **любви к человеку и ненависти к эпохе**, обрушившейся

---

² Мы оставляем за скобками дискуссию о «принадлежности» Н. В. Гоголя к русской литературе. С точки зрения нашего исследования важно то, что он моделируется в образовательном дискурсе как ее составная часть.

на него всей тяжестью своей неблагоклонности, чем был отмечен и его преждевременный уход из жизни» (Minár et al. 137) и «связал литературу с **передовым освободительным движением** того времени» (Doboš et al. 11), а значит, навязывают учащимся упрощенную, но идеологически строго выдержанную схему причинно-следственных отношений между общественными условиями, личными переживаниями и результатами творческой деятельности.

Семантизируя произведения А. С. Пушкина и их главных героев авторы учебников последовательно вводят мировоззренческие компоненты, терминологические клише и речевые штампы коммунистической идеологии, основанной на учении марксизма-ленинизма; «привязывают» произведения и героев к идеологическому полю коммунизма: Онегин предстаёт перед реципиентом как **«представитель передового русского дворянства, которому условия жизни в феодально-крепостнической России не дали возможность применить свои способности в практической жизни»** (Doboš et al. 22), «лишний человек, **представитель класса приговоренного к гибели**», а сам роман характеризуется как «панораматическое изображение **феодальной помещицы России**» (Hnízdo & Svobodová 95), «всех слоев **общества крепостной поры**» (Doboš et al. 22). Передавая содержание повести *Пиковая дама* авторы пишут об «изображении **деморализующих денежных отношений зарождающегося российского капитализма**» (Ibid.), роман *Капитанская дочка* в их трактовке «вдохновлен **антифеодальным восстанием Пугачева**» (Hnízdo & Svobodová 96) и раскрывает «беспощадность **народного восстания, обусловленного законами классовой борьбы**» (Doboš et al. 24), а в исторической драме *Борис Годунов* самое главное, что «внимание уделяется **народным массам и их ключевой роли в истории**» (Hnízdo; Svobodová 96). Литературный учебный справочник добавляет, что произведение – «полемика с декабристами, которые на **народные массы** не рассчитывали» (Minár et al. 138). Лирика А. С. Пушкина трактуется как **«призыв к революционной борьбе, протест против самодержавной власти, выражение веры в освобождение народа от крепостного права, надежды на близость революции»** (Doboš et al. 14).

3.2 «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ» Н. В. ГОГОЛЯ

Стратегия представления исторического контекста жизни писателя в соответствии с марксистским учением о общественно-экономических формациях прослеживается и при семантизации Н. В. Гоголя, который «вступал в

литературу в эпоху кризиса и распада **феодално-крепостнического строя**» (Minár et al. 183). Н. В. Гоголя обвиняют в отсутствии «прогрессивности», и причинно-следственная связь устанавливается между «мировоззренческой ограниченностью», гоголевским мистицизмом и «религиозной настроенностью» (Hnízdo & Svobodová 99). В образовательном дискурсе социалистического периода Н. В. Гоголь ценен только как сатирик и реалист, рисующий картину **«общественного маразма царской России Николая I»** (о комедии *Ревизор*, Hnízdo; Svobodová 100), **«морального падения помещицкой России»** (о романе *Мертвые души*, Ibid.), России с **«разлагающимся крепостным хозяйством и зарождающимися буржуазными отношениями»** (Doboš et al. 56) и писатель, **«срывающий маски с феодальной бюрократической системы»** (Fischer et al. 71). Примечательно, что кроме подчеркивания «критического изображения затхлой жизни крепостнической деревни» (Minár et al. 183) одновременно делается упор на фольклорности его рассказов (Hnízdo; Svobodová, 99). Идеологема³ «братских народов» и «братской помощи» находит выражение в интерпретации повести *Тарас Бульба*, где, хотя и изображается «Украина под гнетом польских помещиков, превративших украинских крестьян в крепостных», поляки предстают как **«поработители»**, а казаки, в свою очередь, как олицетворение силы **«русского товарищества»** (Doboš et al. 53). Как раз **«с помощью братского русского народа украинский народ в 1654 году сбрасывает панское иго, и Украина снова объединяется»** (Ibid. 54). На передний план, также, как и в случае семантизации А. С. Пушкина, выступает и телеологичность изложения творческого пути писателей, так, произведения Н. В. Гоголя являются **«выражением мучительных поисков тех идеалов и сил, которые в будущем приведут российское общество к полному расцвету»** (Minár et al. 183).

3.3 Неоднозначный Ф. М. Достоевский

Кроме Н. В. Гоголя, амбивалентной являлась и оценка Ф. М. Достоевского. Хотя и подчеркивалось, что «его художественные произведения – пронизательные психологическо-философские очерки из жизни русского общества **периода разврата моральных основ, связанных с развитием капитализма, распространяющейся чумы эгоизма буржуазного общества**

---

³ Идеологема здесь рассматривается как понятие метаязыка, которое может «принимать форму» разных означающих из разных семиотических систем (ср. Купина 197-206)

и «сатанинской» власти денег» (Minár et al. 185), он упрекался в том, что в его взглядах было много «проблематичного» и что он «глубоко **ошибался в оценке сущности революционного процесса**» (Hnízdo & Svobodová 116). В частности, речь идет о романе *Бесы*, интерпретируя который авторы руководствуются тремя разными стратегиями: а) он либо отсутствует в перечне произведений автора (Minár et al. 184-185); б) либо приподносится как «**роман, осуждающий литераторов и нигилистов, которых автор сравнивает со стадом диких кабанов, обуянных бесами западничества, атеизма и анархизма**» (Hnízdo & Svobodová 114), но при этом совершенно не вспоминается положительно коннотированное понятие «революционер», *революция*, а подчеркивается лишь «анти-западнический настрой»; или же в) напрямую осуждается как «**несправедливое обвинение революционного движения, которое реакционные круги использовали в борьбе с прогрессивными движениями**» (Fischer et al. 138). Интерпретируя Ф. М. Достоевского, авторы актуализируют идеологему «коллективизма»: интерпретируя роман *Преступление и наказание* подчеркивается осуждение «**безудержного индивидуализма**» (Fischer et al. 138; Minár et al. 185).

3.4 Л. Н. Толстой – «ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В представлении авторов в образовательном дискурсе социалистического периода особой аргументативной стратегией является прямая апелляция к классикам марксизма-ленинизма (к авторитету). Так, представляя Л. Н. Толстого, в начале обязательно упоминают В. И. Ленина, высоко оценивающего его творчество («Толстой как зеркало русской революции»). Л. Н. Толстой, как правило, упрекается в том, что он «**ошибочно видел главную историческую силу России в патриархальном крестьянстве**» (Hnízdo & Svobodová 111), а когда отмечается его дворянское происхождение, то в качестве оправдания приводится, что он «**разорвал связи со своим классом**» (Hnízdo & Svobodová 111). Анализируя произведения Л. Н. Толстого и их главных героев авторы учебников последовательно привязывают их к идеологическому полю коммунизма – они становятся как бы вторичными по отношению к его нарративам: *Война и мир* предстает как роман, изображающий героизм простого народа, который «в самых трудных моментах истории страны решает ее судьбу и будущее» (Minár et al. 187), подчеркивается «**роль народных масс в истории**» (Fischer et al. 140), представители дворянских родов и «привилегированных классов» (Ibid.) лишь второстепенные его герои; *Анна Каренина* – это прежде всего роман,

в котором отображена «**эпоха перемен общественных отношений**», «наступление **капитализма** второй половины века» (Ibid.), а его главная героиня является жертвой нравов «высшего общества», основанных на власти, лицемерии и эгоизме; романом *Воскресение* автор выражает «отрицание существующей **общественной системы**» (Fischer et al. 141), «беспощадно» разоблачая «*государственный аппарат, правосудие и невыносимые условия в тюрьмах*» того времени (Minár et al. 187). Подобно вышеупомянутым писателям, и в случае изложения Л. Н. Толстого присутствует телеологичность трактовки его творческого пути – «своими произведениями, отображающими основные противоречия эпохи, он готовил **путь русской революции**, хотя и ее, как мыслитель, он из-за своей мировоззренческой ограниченности не понял» (Minár et al. 188).

3.5 А. П. ЧЕХОВ И ЕГО ВЕРА В ПРОГРЕССИВНЫЕ СИЛЫ

По сравнению с вышеупомянутыми авторами, А. П. Чехов представлен в учебниках довольно скромно. Подчеркивается, что в его творчестве «проявляется его гуманное отношение к миру, **искаженному эксплуататорской моралью**» (Hnízdo & Svobodová 116) и в пьесах отображены «трагические моменты жизни интеллектуалов, которые мечтают о творческих свершениях, но не могут их реализовать **из-за общественных условий**» (Hnízdo & Svobodová 117). Как правило, более детально рассматривается произведение *Вишневый сад*, в связи с которым отмечается, что это «образ **умирающей феодальной России** и наступающего самоуверенного поколения предпринимателей, **представителей зарождающегося капитализма**» (Ibid.), в котором автор «выразил веру в **прогрессивные силы** своей родины и в ее великое будущее» (Minár et al. 188).

3.6 ВЫВОДЫ

Основываясь на вышеприведенных высказываниях образовательного дискурса периода до 1989 г, мы пришли к следующим выводам:

1. В образовательном дискурсе до 1989 г. композиция глав состоит из представления исторического контекста, представления жизни писателя, представления основных произведений.

2. В основе представления исторического контекста лежит принцип общественно-экономических формаций и марксистские категории базиса и надстройки – не только устанавливаются причинно-следственные отно-

шения между общественными условиями, личными переживаниями и результатами творческой деятельности, но налицо и детерминизм по отношению к последним перечисленным.

3. Писатель как знак, его произведения и герои произведений последовательно привязываются к идеологическому полю коммунизма. В качестве узловой точки мы фиксируем «классовую борьбу» – в основе их характеристики и оценки лежит принадлежность к определенному классу, «класс» также определяет значение морали.

4. Неподдержание идей революции не является вопросом взгляда на нее, оно не соотносится с разумом, рассудком, зрелостью вообще, что выражается в идиоме «мировоззренческой ограниченности».

5. В высказываниях о писателях присутствует телеологичность изложения их творчества – они готовят путь к революции, предвосхищают ее, находятся в поисках идей и движущих сил. Революция 1917 г. выступает как горизонт и точка отсчета истории.

6. Литература – это отображение строя, общественной формации, конфликт сводится к конфликту классовому. Поэтому и на передний план выдвигается референтивная функция языка (термин Якобсона, 1975), произведения моделируются как основанные на собственном опыте.

7. Произведения вторичны по отношению к основным метатекстам идеологического дискурса, являются всего лишь их иллюстрациями, они ничего нового в познание мира не добавляют (ср. Ročepřetsov 248-249). Основные идеологемы, артикулированные в исследуемых высказываниях, следующие: «народные массы как движущая сила истории», «классовая борьба», «обман и лицемерие врага» (оформляется в виде идеологических идиом «срывание масок», «в зеркале объективной критики» → слов. *nastavit' zrkadlo*), «братская помощь», «братские народы», «эксплуататорская мораль», «реакционные круги», «царский гнет», «разлагающийся и загнивающий феодальный строй». Высказывания, относящиеся к литературе XIX века, таким образом, анахроничны по своей природе.

4. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА: ПЕРИОД ПОСЛЕ 1989 Г.

Устранение коммунистического режима в бывшей Чехословакии повлекло за собой изменение общественных практик, включая практики вербальные – оно представляло собой мощный дислокационный момент. Конкурирующие с гегемоническим дискурсы, сфера «властвования» кото-

рых была до тех пор узко ограничена, стали проникать в публичное пространство, открылась возможность бороться за опеределение и решение разного вида вопросов. Это касалось и поля образования, в рамках которого шел поиск языка и конкретных речевых стратегий, способных наново фиксировать «плавающие» означающие и привязывать их к другим узловым точкам.

Во-первых, следует уточнить, что после 1989 года в словацкой учебной литературе уже не встречаются имена А. С. Грибоедова (который в учебниках, изданных до 1989 года «изображал испорченность русского феодального и бюрократического общества», «единственный из декабристов, кто действительно значительно поспособствовал развитию литературы»), И. А. Крылова, В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, В. Г. Белинского («идеолог революционной демократии, литературу воспринимал как способ общественной борьбы»), Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, также как и в учебных пособиях до 1989 года не упоминаются имена М. А. Булгакова, В. В. Набокова, А. И. Солженицына, Б. Л. Пастернака, но как раз анализируемые нами имена-знаки оказались своеобразными константами русской культуры, предлагаемыми словацкому студенту в качестве ключевых и в период социализма, и в последующий период демократических преобразований.

4.1 А. С. Пушкин – дворянин, защищающий честь своей жены

В отличие от дискурса периода до 1989 г., уступительные отношения в высказываниях, касающихся его изгнания, построены по-другому: тогда как в текстах-фрагментах дискурса периода до 1989 они устанавливаются между его дворянским происхождением и прогрессивными взглядами, что связано с логикой дискурса, организованного вокруг узловой точки «классовая борьба», в дискурсе периода после 1989 г. они установлены между его дворянским происхождением и его изгнанием из Петербурга («Несмотря на то, что по материнской линии был дворянского происхождения и имел связи с царской семьей, за прогрессивные взгляды был изгнан из Петербурга. Погиб на дуэли, защищая честь своей супруги», Catlíková, *Slovenský jazyk* 114). Схему такой аргументации – топос (см. Reisigl & Wodak, „The Discourse” 75), можно себе представить следующим образом: если кто-то принадлежит к привилегированному слою общества, к нему не относятся те же правила, которые принимаются и применяются по отношению к остальными его членам. Однако, примечательно, что внимание не обращается

на довольно мягкий характер ссылки, что, на наш взгляд, связано как раз с устоявшимся изображением его жизни («хотя он и был дворянского происхождения, его угнетал царский режим»). «Отстегнутой» от узловой точки «классовая борьба» оказывается и дуэль с Дантесом, которая уже не является «провокацией» правительственных кругов, а «защитой чести супруги» (Catlíková, *Slovenský jazyk* 114). Внимание на себя обращает и ресемантизация его произведений и их главных героев. *Капитанская дочка* характеризуется как «приключенческая история на фоне исторических событий» (Hánová 55) или романтическая историческая проза, Пугачев – «идеализируемый исторический герой», действия которого «намного гуманнее зафиксированных историй» а императрица «*милое создание*» (Catlíková, *Sprievodca dielami A* 176; Catlíková, *Slovenský jazyk* 115). Значит, происходит изменение полярности – так как образовательный дискурс подвергается иной логике – представитель правящего слоя может, в силу человеческих качеств, приобретать положительную оценку, а персонаж Пугачева может оцениваться амбивалентно. Поэтому не упоминается «классовая» принадлежность Онегина, а только его поступки – «он ведет бесцельную жизнь и ранит окружающих людей». Наоборот, изменение семантизации мы не наблюдаем в случае трактовки драмы *Борис Годунов*, по мысли авторов справочника А. С. Пушкин в ней «полемизирует с идеями декабристов по поводу того, нужно ли верить силе народа» (Hánová 56).

4.2 Н. В. Гоголь – писатель, рассказывающий о России и Украине

Н. В. Гоголь в современном образовательном дискурсе освещается довольно скупо, причем в связи с описанием его жизни появляется неожиданная ремарка, что он «родился и вырос в Украине, которая отражена во всем его творчестве» (Hánová 74). Творчество Н. В. Гоголя представлено в основном романом *Мертвые души*, который моделируется как изображение «плюсов и минусов русского национального характера» (Ibid.).

4.3 Ф. М. Достоевский – страстный игрок и основатель психологического романа

В современных учебниках Ф. М. Достоевский характеризуется как «один из основателей современного психологического романа» (Hánová 76), «страстный игрок» (Catlíková, *Sprievodca dielami B* 64), который «был за участие в прогрессивном движении Петрашевского приговорен к смерти,

и только перед расстрелом ему объявили о замене приговора каторгой» (Hánová 76). В глаза бросается словосочетание «*прогрессивное движение*», представляющее собой след дискурса социалистического периода, в котором будущее и движение вперед аксиологически значимо: «светлое будущее», «светлые горизонты», «коммунистическое завтра» – это все стереотипные номинации, обозначающая идеальную жизнь при коммунизме. Кроме того, разделение на «прогрессивные» и «реакционные движения» – типично для советского дискурса (ср. Zemtsov 166). Однако, необходимо заметить, что в учебных пособиях до 1989 года кружок Петрашевского неизменно именовался революционным, так что и в данном случае прослеживается сдвиг стратегии в сторону идеологем общеупотребительных, не привязанных лишь к коммунистической идеологии. Совершенно по-новому, трактуются романы *Преступление и наказание* и *Братья Карамазовы*. Первый из перечисленных уже не интерпретируется вокруг оппозиции (хороший) коллективизм – (плохой) индивидуализм, а представлен как роман «о человеческой совести», причем концептуализация вины и наказания у Ф. М. Достоевского сравнивается с концептуализацией данных категорий в произведениях Франца Кафки (Hánová 76), а второй моделируется как произведение, описывающее «проблематику отцеубийства и поиска виновного среди трех сыновей» (Ibid.)

4.4 Дворянин о судьбах дворянства

Образ Л. Н. Толстого – это образ писателя, принадлежащего к «старинному дворянскому роду», который «жил в своем поместье Ясная Поляна, где из-за интенсивных реформ, призванных улучшить положение своих мужиков, чуть не лишился имущества и подверг угрозе финансовое благополучие своих детей» (Catlíková, *Sprievodca dielami B* 52). В данном случае уже ясно прослеживается стратегия моделирования жизни писателей – она подается не только в совершенно упрощенном виде, но и вписывается в драматичные нарративы, которые близки представителям данной лингвокультуры. Творчество Л. Н. Толстого представлено преимущественно романами *Война и мир* и *Анна Каренина*. Примечательно, что действия одного из центральных персонажей последнего – Левина, охарактеризованы как «критика крестьян за их нежелание отступить от традиционных методов ведения хозяйства» (Catlíková, *Sprievodca dielami B* 52). Оставляем за скобками правильность/неправильность данного утверждения, поскольку сигнификантным является тот факт, что крестьяне могут быть подвергнуты кри-

тике. Знакомя учащихся с романом *Война и мир*, авторы фокусируются на межчеловеческих отношениях и не обращают внимание на другие уровни текста: «на фоне исторических событий разворачиваются судьбы членов русского высшего общества, главным образом семей Болконских и Ростовых» (Hánová 75). Пьер Безухов характеризуется как «мечтатель, ищущий смысл жизни» а Наташа Ростова «переживает несколько ипостасей любви» (Ibid.), а значит, на задний план уходит классическая интерпретация романа как отображения эпохи, общественного строя и исторических событий.

4.5 МЕЛАНХОЛИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ А. П. ЧЕХОВА

Константой в образовательном дискурсе является и А. П. Чехов. Но, в отличие от рассматриваемых фрагментов, относящихся к образовательному дискурсу до 1989 г., он представлен как писатель, изображающий «обыкновенных людей и их кажущуюся обыкновенной жизнь» (Hánová 76). Также отмечается, что «его рассказы дышат меланхолией» (Ibid.), при этом примечательно, что трагизм или меланхолия не преподносятся как категории, детерминированные общественным строем. Традиционно А. П. Чехов представлен произведением *Вишневый сад*, но на этот раз отсутствует тенденциозно идеологическая интерпретация об «уходе лишних людей» и «оскале торжествующего капитализма», ее сменяет интерпретация в ностальгической тональности об «исчезающем патриархальном мире дворянских провинциальных усадеб и старых семейных слуг» (Catlíková, *Sprie-vodca dielami B* 71).

4.6 ВЫВОДЫ

Основываясь на вышеприведенных примерах, мы пришли, по отношению к образовательному дискурсу после 1989 г., к следующим выводам.

1. По сравнению с образовательным дискурсом до 1989 г. из учебников исчезли имена русских писателей и общественных деятелей, которые рассматривались сугубо в связи с их „соответствующим« отношением к власти и идеологии, и, наоборот, появились имена писателей-эмигрантов, писателей-диссидентов или писателей, получивших неоднозначную оценку в советском литературоведении.

2. Представляя писателей и их произведения, большой упор делается на общечеловеческих переживаниях, оценка зависит не от «классовой» принадлежности героя, а от его моральных качеств, поэтому она зачастую вступает в противоречие с оценкой в дискурсе до 1989 года.

3. При представлении жизни писателей и их произведений фиксируем стратегию бульваризации – освещаются интересные детали, занимательные бытовые подробности и скандалы, с ними связанные; профанное, бытовое предстает в качестве главного типа информации, доминирующей функцией является не наставление, а привлечение внимания и развлечение.

4. Авторы учебных пособий, в процессе представления ключевых идей и нарративов произведений, фокусируются на межличностных отношениях героев и их переживаниях, почти не обращая внимание на другие уровни текста (отображения эпохи, общественного строя, исторических событий).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Масштабные события, влекущее за собой изменения политических, экономических и общественных условий, динамизируют, как правило, и временно зафиксированные идентичности культурных знаков. В истории Словакии одними из самых крупных «взрывов» такого качества были Февральский переворот 1948 года, завершившийся установлением коммунистического режима в бывшей Чехословакии, и так называемая Бархатная революция 1989, ознаменовавшая его конец.

Русской литературы трансформации коснулись, как минимум, по двум причинам: во-первых, подобно остальным культурным (и не только) знакам, все писатели и их произведения, в соответствии с правилами доминирующего дискурса, последовательно привязывались к идеологическому полю коммунизма, а, во-вторых, русская литература метонимически представляла советскую литературу, а значит, литературу «лучшего союзника и друга», «братский народ», стоящий во главе социалистического лагеря. С первой причиной связаны такие правила дискурсивного моделирования как принцип общественно-экономических формаций и марксистские категории базиса и надстройки, «привязка» писателей и их произведений к узловой точке «классовой борьбы», телеологичность изложения творческого пути писателей, соотносящаяся с принципами торжественного монументального стиля, и актуализация таких идеологем как «народные массы как движущая сила истории», «обман и лицемерие врага», «братская помощь», «братские народы», «эксплуататорская мораль», «реакционные круги», «царский гнет» и «разлагающийся и гнивающий феодальный строй». Со второй причиной связано изобилие представителей русской литературы, предлагаемых словацкому студенту. После революции 1989 года из образовательного дис-

курса исчезли многие из них, но своеобразные константы остались – они присутствовали в учебных материалах до периода социализма (Menšík), в период социалистической Чехословакии и в последующий период демократических преобразований. Самой заметной трансформацией становится деидеологизация уже существующих нарративов, циркулирующих в образовательном дискурсе и своеобразная бульваризация литературного дискурса, когда в качестве самой распространенной речевой/нарративной стратегии можно выделить освещение интересных деталей, занимательных бытовых подробностей и скандалов. В качестве главной цели выступает, таким образом, привлечение внимания реципиента.

В заключение можно добавить, что война, которую Россия развязала в Украине, является, и по отношению к образовательному дискурсу, очередным дискурсивным событием, в связи с которым можно ожидать дальнейшие трансформации в трактовке и восприятии представителей русской литературы и их произведений *pars pro toto*, «замещающих» в словацком образовательном дискурсе России и русскую культуру.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barkovskaya, Nina, & Andrea Grominová. «Antologiya «Ruská moderna» (2011): opyt poeticheskogo perevoda russkoy poezii v Slovákii». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, № 71, 2021, pp. 201-215. [Барковская, Нина, и Андреа Громинова. «Антология ‘Ruská moderna’ (2011): опыт поэтического перевода русской поэзии в Словакии». *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 71, 2021, сс. 201-215.]
- Çelik, Nur Betül. «The Constitution and Dissolution of Kemalist Imaginary». *Discourse Theory and Political Analysis. Identities and Social Change*, edited by David Howarth et al. Manchester University Press, 2000, pp. 193-205.
- Fairclough, Norman. *Discourse and Social Change*. Polity Press, 1993.
- Gallo, Ján. *Istoricheskiy ocherk o meste i izuchenii russkogo yazyka v Slovákii (s 1918 po sovremennost)* [Исторический очерк о месте и изучении русского языка в Словакии (с 1918 по современность)]. Prešovská univerzita, ss. 74-95.
- Grominová, Andrea, & Olesia Medukha. «Poeziya andergraunda 70-kh gg. v kurse RKI». *Filologicheskiy klass*, Т. 27, № 1, 2022, pp. 222-235. [Громинова, Андреа, и Олеся Медуха. «Поэзия андерграунда 70-х гг. в курсе РКИ». *Филологический класс*, т. 27, № 1, 2022, сс. 222-235.]
- Issers, Oksana Sergeevna. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoj rechi*. Omskiy gosudarstvennyy universitet, 1999. [Иссерс, Оксана Сергеевна. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омский государственный университет, 1999].
- Jäger, Siegfried, & Margarete Jäger. *Deutungskämpfe. Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse*. VS Verlag, 2007.

- Kenížová-Bednárova, Katarína et al. *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836-1996*. Ústav svetovej literatúry SAV, 1998.
- Kusá, Mária (ed.). *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825-2015*. Veda, 2017.
- Kusá, Mária. «Preklad v geopolitických súvislostiach (receptia ruskej literatúry v medzivojnovom období)». *Slovak review*, roč. 7, č. 1 (1998), ss. 26-37.
- Kusá, Mária. «Slovenské preklady ruskej literatúry posledných rokov». *Stephanos*, no. 6 (44) (2020), ss. 9-22.
- Laclau, Ernesto, & Chantal Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. Verso, 2001.
- Laclau, Ernesto. *New Reflections on the Revolution of our Time*. London. Verso, 1990.
- Lizoň, Martin. «Sovremennaya russkaya literatura v perevodakh na slovackiy yazyk (fakty otbora tekstov)» [«Современная русская литература в переводах на словацкий язык (факты отбора текстов)»]. *Multidimensional translation, from science to the arts*. Cambridge Scholars Publishing, 2022, pp. 128-138.
- Lizoň, Martin et al. *Model ruskej literatúry na slovenskom knižnom trhu*. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela, 2021.
- Manoliu, Marius Narcis. «Educational discourse analysis». *International Journal of Communication Research*, vol. 5, no. 3, 2015, pp. 221-230.
- Pochepstov, Georgiy. *Semiotika*. Refl-buk, Bakler, 2002. [Почепцов, Георгий. *Семиотика*. Рефл-бук, Баклер, 2002.]
- Reisigl, Martin, & Ruth Wodak. *Discourse and discrimination: Rhetorics of racism and anti-semitism*. Routledge, 2001.
- Reisigl, Martin, & Ruth Wodak. «The Discourse-Historical Approach». *Methods of Critical Discourse Analysis*. 2nd ed., edited by Martin Reisigl and Ruth Wodak. Sage Publications, 2010, pp. 87-122.
- Sipko, Jozef. *Precedentnyye imena v pozicii ocenochnykh sredstv [Прецедентные имена в позиции оценочных средств]*. Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2013.
- Usnesenie predsedníctva Ústredného výboru Komunistickej strany Československa o učebniciach pre národné a stredné školy*. Kultúrno-propagačné oddelenie sekretariátu ÚV KSS, 1951.
- Zahorák, Andrej. *Intercultural Aspect in Translation and Reception of Precedent Phenomena*. Peter Lang Verlag, 2019.
- Zákon 100/1960 Zb. Ústavný zákon z 11. júla 1960*.
- Zemtsov, Пяа. *Sovetskij politicheskiy yazyk*. Overseas Publications Interchange, 1985 [Земцов, Илья. *Советский политический язык*. Overseas Publications Interchange, 1985].
- Zhizhek, Slavoy. *Vozvyshennyj ob'ekt ideologii*. Izdatelstvo «Khudozhestvennyy zhurnal», 1999. [Жижек, Славой. *Возвышенный объект идеологии*. Издательство «Художественный журнал», 1999].

АНАЛИЗИРОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

- Catlíková Milada. *Slovenský jazyk a literatúra: Pomôcka pre maturantov a uchádzačov o štúdium na vysokých školách*. Enigma, 2020.
- Catlíková, Milada. *Sprievodca dielami slovenskej a svetovej literatúry*. Výber B. Enigma, 2020.
- Catlíková, Milada. *Sprievodca dielami slovenskej a svetovej literatúry*. Výber A. Enigma, 2021.
- Doboš, Štefan a kol. *Ruská literatúra pre 2. ročník stredných škôl*. SPN, 1982.

- Fischer, Jan Otokar a kol. *Svetová literatúra II. 19. stololetí*. SPN, 1986.
- Hánová, Eva a kol. *Zmaturuj z literatúry*. Didaktis, 2004.
- Hnizdo, Vlastislav, & Hana Svobodová. *Svetová literatúra II. Pro strední odborná učilište*. SPN, 1985.
- Minár, Jozef a kol. *Literárna rukoväť*. SPN, 1981.
- Menšík, Ján. *Literárna rukoväť k čítanke pre najvyššie triedy stredných škôl slovenských*. Štátne nakladateľstvo, 1922.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ
КЛЮЧЕВЫХ ИМЕН И ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СЛОВАКИИ
(ДО И ПОСЛЕ 1989 ГОДА)

Р е з ю м е

Масштабные события, вызвавшие изменения политических, экономических и общественных условий, динамизируют, как правило, и временно зафиксированные идентичности культурных знаков. В истории Словакии одними из самых крупных «взрывов» такого качества были Февральский переворот 1948 года, завершившийся установлением коммунистического режима в бывшей Чехословакии, и так называемая Бархатная революция 1989, ознаменовавшая его конец. Суть связанной с изменениями общественной парадигмы трансформации восприятия ключевых имен и произведений русской классической литературы проанализирована на материале учебных пособий для средних школ, изданных до и после 1989 года. Теоретическую основу исследования составили труды представителей Эссекской школы дискурса – Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Были поставлены следующие задачи: а) фиксирование привязки определенного означающего, в нашем случае писателя, к определенной узловой точке; б) выявление речевых или же шире – дискурсивных стратегий; в) фиксирование трансформации интерпретаций. Исходя из анализа данных фрагментов дискурса по отношению к дискурсу до 1989 года выявлены такие правила дискурсивного моделирования, как принцип первоочередности учета характеристик общественно-экономических формаций, «привязка» писателей и их произведений к узловой точке «классовой борьбы», телеологичность изложения творческого пути писателей, соотносящуюся с принципами торжественного монументального стиля и актуализацию коммунистических идеологем. Самой существенной трансформацией в дискурсе после 1989 года была деидеологизация сложившихся нарративов, циркулирующих в образовательном дискурсе, и своеобразная бульваризация дискурса. В качестве главной цели, таким образом, выступает привлечение внимания реципиента.

Ключевые слова: образовательный дискурс; трансформация; русская литература; коммунистические идеологемы; демократические преобразования

ZMIANY W POSTRZEGANIU
KLUCZOWYCH NAZWISK I DZIEŁ
ROSYJSKIEJ LITERATURY KLASYCZNEJ
W SŁOWACKIM DYSKURSIE EDUKACYJNYM
(PRZED I PO 1989 ROKU)

Streszczenie

Wydarzenia o dużej skali, pociągające za sobą zmiany uwarunkowań politycznych, ekonomicznych i społecznych, z reguły dynamizują także utrwaloną w danym okresie tożsamość znaków kulturowych. W historii Słowacji jednym z takich wydarzeń był zamach stanu w lutym 1948 r., który zakończył się ustanowieniem reżimu komunistycznego w byłej Czechosłowacji oraz tzw. aksamitna rewolucja z 1989 r., która obwieściła jego koniec. Istotę tych przemian przeanalizowaliśmy na podstawie podręczników do szkół średnich wydanych przed i po 1989 roku. W naszych badaniach opieramy się na teorii dyskursu zaprezentowanej w pracach przedstawicieli krytycznej szkoły dyskursu z Essex – Ernesto Laclau i Chantal Mouffe. Celem podjętych badań było: a) uchwycenie zasady przyporządkowania określonego elementu znaczącego, w naszym przypadku pisarza, do określonego punktu węzłowego; b) identyfikacja mowy, czy szerzej – strategii dyskursywne; c) uchwycenie przemian w zakresie interpretacji. Analizując wybrane fragmenty dyskursu, udokumentowaliśmy – w odniesieniu do dyskursu sprzed 1989 roku – reguły modelowania dyskursywnego, takie jak zasada formacji społeczno-ekonomicznych, „zakotwiczenie» pisarzy i ich dzieł w „walce klasowej», punkt centralny, teleologiczny charakter drogi twórczej pisarzy, skorelowany z zasadami uroczystego monumentalnego stylu oraz aktualizacja ideologemów komunistycznych. Najbardziej zauważalną przemianą w dyskursie od 1989 roku była deideologizacja ustalonych narracji obecnych w dyskursie edukacyjnym i swego rodzaju tabloidyzacja dyskursu literackiego. Ich głównym celem było przyciągnięcie uwagi odbiorcy.

Słowa kluczowe: dyskurs edukacyjny; transformacja; literatura rosyjska; ideologie komunistyczne; przemiany demokratyczne

TRANSFORMATION OF PERCEPTION
OF KEY NAMES AND WORKS
OF RUSSIAN CLASSIC LITERATURE
IN SLOVAK EDUCATIONAL DISCOURSE
(BEFORE AND AFTER 1989)

Summary

Large-scale events entailing changes in political, economic and social conditions, as a rule, also dynamize temporarily fixed identities of cultural signs. In the history of Slovakia, some of the biggest «explosions» of this quality were the February 1948 coup d'état, which ended with the establishment of the communist regime in the former Czechoslovakia, and the so-called Velvet Revolution of 1989, which marked its end. We have analysed the essence of these transformations on the basis of secondary school textbooks published before and after 1989. In our research we rely on the discourse theory presented in the works from Ernesto Laclau and Chantal Mouffe (Essex School of discourse analysis. The objectives were to: a) capture the attachment of a particular signifier, in our case the writer, to a particular nodal point; b) identify speech, or broader – discourse strategies; c) capture the transformation of interpretations. From the analysis of these fragments of discourse, we have documented in relation to pre-1989 discourse the rules of discursive modelling,

such as the principle of socio-economic formations, the «anchoring» of writers and their works to the «class struggle» focal point, the teleological character of the writers' creative path, correlated to the principles of solemn monumental style, and the actualisation of communist ideologems. The most notable transformation in discourse since 1989 has been the de-ideologisation of the established narratives circulating in educational discourse, and a kind of tabloidization of literary discourse. The main goal is thus to attract the attention of the recipient.

Keywords: educational discourse, transformation, literature, communist ideologems, democratic transformation.